

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 811.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-9-16

«ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ»: ДИСКУРС-АНАЛИЗ РАЗГОВОРНЫХ ДИАЛОГОВ С УЧАСТИЕМ РЕБЕНКА*

Н. В. Орлова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

На материале разговоров 6-летнего мальчика и его матери выявлены организация и способы общения взрослого и ребенка, семантика, прагматика, язык дискурса. В частности, описаны стратегии, цели, контроль за протеканием и сменой видов речевой деятельности, каналы, тональность, жанры. Установлено, что преобладают игровые и обучающие/познавательные стратегии; жанровый репертуар сочетает традиционные детские жанры, научно-популярную литературу для детей и новые форматы индустрии развлечений (мультфильм, компьютерная игра); в тематическом поле преобладают современные мультфильмы, игры (компьютерные, настольные, подвижные), история изобретений, микромир и др. Ценности и оценки не акцентируются.

Ключевые слова: дискурс, ребенок, стратегии, жанры, темы дискурса.

В статье сделана попытка рассмотреть разговоры взрослого и ребенка (старшего дошкольника) с точки зрения выражения в них комплекса коммуникативных и социальных категорий. Принятые в исследовании параметры описания в целом вписываются в существующие модели дискурс-анализа, которые в качестве своего объекта рассматривают устный диалог [1–4] и др. По словам В. Е. Чернявской, подобные исследования направлены «на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего, на процессуальность» [5, с. 55].

В моделировании устного дискурса-диалога акцентируются такие категории, как тема дискурса и темы говорящих, связность, мена коммуникативных ролей, метакоммуникация, степень спонтанности/подготовленности и др. (обзор см. в [6]). Выбор модели, как правило, определяется целью и речевым материалом. Очевидно, что если коммуникантами являются дети, моделирование строится с учетом их возраста.

В фокусе внимания тех, кто исследовал разговоры детей и, шире, коммуникации с участием детей, оказывались диалоги с определенными интенциями [7; 8]; жанры [9]; вопросы онтогенеза коммуникативных умений [10; 11]; проявления творческого потенциала [12, 13]; социальные и социокультурные параметры коммуникации [14–17]; речевые характеристики взрослого собеседника [18]. Объект исследования при этом обозначался как «дискурс» и/или «коммуникация», «речь», «диалог».

Материал данного исследования составили восемь речевых событий (разговоров Андрея Г. шести с половиной лет и его мамы) общей продолжительностью 3 часа 29 мин. На основе речевых характеристик положительно решен вопрос о наличии в разговорах конститутивных признаков дискурса, в число которых, вслед за В. И. Карасиком [19], включены относительная оформленность, тематическое и структурное единство, относительная смысловая завершенность. (Сделаем оговорку: перечисленные признаки позволили использовать термин «дискурс» и опираться на модель анализа дискурса, предложенную В. И. Карасиком, что было бы невозможно, например, на материале разговоров взрослого с младенцем.) С учетом выделяемых ученым коммуникативных категорий в число параметров описания входят: (1) участники; (2) условия общения (сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда); (3) организация общения (цели, стратегии, контроль за протеканием и сменой видов речевой деятельности); (4) способы общения (канал, тональность, жанры). Специальное внимание уделяется описанию содержательных (семантико-прагматических) категорий дискурса. Семантика дискурса и его единиц (5) выявляется на основе таких понятий, как тема дискурса, тема говорящего, когерентность, интертекстуальная ориентация. Прагматика дискурса (6) описывается на основе функций прямых и косвенных высказываний. Анализируются метакоммуникативные показатели

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 15-04-00325 «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка».

и их роль в организации общения. Наконец, в речевой партии мальчика выявляются ненормативные языковые и речевые факты (7), что обусловлено возрастом информанта и, соответственно, возможностью отслеживать на материале его речи онтогенетические процессы.

1. Участники общения.

Участники всех разговоров – Андрей Г. (далее – А.) и его мама (в транскрипции М.). А. живет в г. Омске. Он вырос в семье, где родители, бабушки и дедушки имеют высшее образование. На момент записи А. посещал детский сад и подготовительный класс средней школы.

Количественно речевой вклад А. и М. в разговоры определяется как паритетность. Асимметричный характер общения, разница в статусах выражается главным образом в том, что А. обращается к М. как собеседнику компетентному и авторитетному: задает вопросы о фактах (*А как это?*), ищет подтверждения своим мыслям (*Да ведь, мам?*), просит М. разрешить ему что-либо сделать (*Можно я...?*). М. не акцентирует разницу в статусах, смягчает запреты и требования, настраивается вместе с А. на игровое общение, иногда обращается к А. как более компетентному в теме разговора.

Как уже говорилось, разговоры характеризуются относительным тематическим и структурным единством. Так же, как в разговорной речи взрослых, в них имеет место одновременное и успешное развитие двух тем. См. эпизод, когда М. и А. играют в шахматы при работающем телевизоре: *А.: Это что за фильм? М.: Не знаю. А.: Это семь богатырей. Это сказка о мертвой царевне... М.: И семи богатырях. Страшное дело. А.: Мама, я тебя срубить могу.* В то же время в материале наблюдаются особенности, объясняемые, на наш взгляд, возрастом А. Во-первых, отмечается акцентирование (речевая экспликация) границ транзакций со стороны М., что в норме не характерно для спонтанной разговорной речи. Так, типичным оформлением начала транзакции является следующее: *М. Может, мы порисуем. – А. Давай порисуем, будем думать, что будем рисовать* [далее развивается тема рисования]. Примером завершения одной транзакции и перехода к другой является видимый композиционный «стык»: *М. Давай тогда не будем играть, если у тебя такой настрой уже // Тебе читать? Давай я тебе прочитаю одну историю, а ты нарисуешь часы, про которые я тебе прочитаю.* Примером акцентированного финала транзакции является реплика М.: *М. Видишь, мы с тобой без слов всю сказку поняли.* Смысловая линия разговора таким образом «выводится на поверхность», выделение границ фрагментов облегчает взаимопонимание М. и А. Во-вторых, А. более открыто, чем принято у взрослых, уходит от

темы, которую ему предлагают обсудить: *М.: А знаешь, что такое инподром? А.: Вот это инподром? М.: Да, за забором. Это стадион для лошадей. Там гонки лошадей проводятся. А.: А-а. Ой, мам, я так тебе не рассказал про розовую птичку. Она надувает пузыри!*

2. Условия общения.

Все разговоры (речевые события) записаны на диктофон М. (мамой А.) 6 февраля 2016 года. Хронология: 1-й разговор – начало в 10.16, в квартире бабушки и дедушки А.; 2-й – начало в 10.28, в машине по дороге на работу М.; 3-й – начало в 15.13, в машине по дороге с работы и в магазине; остальные – в квартире бабушки и дедушки А.: 4-й – начало в 17.38, 5-й – начало в 18.30; 6-й – начало в 18.46; 7-й – начало в 20.42; 8-й – начало в 23.28. Разговоры ведутся в отсутствие третьих лиц. Наиболее продолжительные – 7-й (1 час 6 мин) и 4-й (51 мин); наименее продолжительный – 8-й (около 6 мин). Длительность остальных – между 10 и 26 мин.

3. Организация общения (стратегии, цели, контроль за протеканием и сменой видов речевой деятельности).

По отношению к практической деятельности транзакции неравномерно делятся на две группы: меньшая часть отражает повседневные рутинные действия (в них инициатор общения М.); большая часть представляет собой игровой дискурс либо дискурс, который в проекции М. является обучающим, а в проекции А. – познавательным. Инициаторами игрового и обучающего/познавательного дискурсов выступают в равной степени оба коммуниканта. Соответственно, в них реализуются игровые и обучающие/познавательные стратегии. Часть транзакций сориентирована на творчество (А. поет, декламирует стихи и переделки известных ему текстов, озвучивает мнемонические высказывания), то есть реализует стратегию эстетического самовыражения.

Игра в дискурсе А. имеет следующие разновидности: (а) собственно игра с перевоплощениями и соответствующими речевыми партиями (игра «в собачку»; «в стрелялки»; «в домик»; «в гости»); (б) речевое сопровождение игры как недискурсивного события (комментарии к игре в шахматы); (в) «игра в игре», когда А. комментирует шахматные ходы с применением игровых тактик (персонифицирует фигуры, шутит и т. д.); (г) языковая игра; (д) смешанные формы игры, в частности игровое взаимодействие А. и М., когда А. произносит английские глаголы, а М. исполняет обозначаемые ими действия. См. некоторые примеры:

(а) *А.: А. Как же я могу в комнату зайти, если там свет выключен? М.: Взять стул и включить свет. А.: А собачка умеет? М.: Ну собачка без света войдет. А. Ну ладно.*

(б) А.: Я дальше пойду. Зачем мне рубить? М.: Конечно.

(в) А.: Тогда понятно. Твой слоненок-поросенок [о фигуре «слон» во время игры в шахматы]; А.: Подчиняйся, или мы тебя уьем [во время игры в шахматы] А.: Какая изумительная фигурка [пропеваает] Я самый главный конь / самый главный. Я всегда какаю в туалет, писюю в унитаэ. М.: Очень смешно.

(г) М.: Ну где ленточка? А.: Какая еще ленточка? М.: Красная, красная, красная ленточка! А.: Красная, красная, красная шапочка!

(д) А.: Иди, вставай, не ленись! Давай я буду тебе задавать. Мам, давай я буду тебе задавать. Я буду тебе задавать, да? Ран. М.: Бежать. А.: Мам, ты не отвечай, а делай! М.: Ай вонт ту слип. А.: Что это означает? М.: Я хочу спать.

Обучающая стратегия М. реализуется в серии описаний (включающих идентифицирующие высказывания *X* – это...) и нарративов, а также директивных высказываний (*сделай Р, чтобы усвоить Q*). Средствами контроля понимания являются тест-вопросы к А. Кроме того, М. оценивает суждения А. как правильные либо ошибочные. Познавательная стратегия А. реализуется в виде вопросов (*Почему? Как?*), сигналов понимания и непонимания, знания и незнания, а также как озвучивание новой информации (возможно, для запоминания). Приведем примеры из разных транзакций:

А.: **Почему металл кажется белым?** А.: А праздник **чей?**

М.: Я же тебе показала Д2 – Д4. А.: Б2 – Б4. М.: Не Б, а Д. Атлет бежал целый день. А.: Атлет бежал целый день, ел фрукты, жевал шоколад. **Как его там? Чьи это буквы?** М.: Латинского алфавита. А.: **Ах, да, латинские буквы;** А.: **Смотри, я правильно понял, смотри.**

М.: [читает] **Посох этот был не круглый, как наши палки, а восьмигранный.** А.: **Как восьмигранный?** М.: **Сколько у карандаша граней?** А.: **Восемь.** М.: **Шесть;** М.: **А в сечении, если на него посмотреть сверху, это будет что?** А.: **Треугольник.** М.: **Правильно;** А.: **Смотри, я правильно понял, смотри...**

М.: Называется гномон. **Запиши себе.** А.: **Г-номон. Г;** М.: **А знаешь это что? Пыльца.** А.: **Пыльца?**

М.: Попробуем **эмоции** нарисовать. Смотри. А.: **Что это, эмоция?** М.: **Нет, нарисуй здесь удивление бровями.**

М.: **А что же ее победит? Вакцина.** А.: **Вакцина?;** М.: **А вот эти в человеке живут. Клещи.** А.: **Клещи?**

Контроль за сменой видов речевой деятельности осуществляет главным образом старший коммуникант. В течение речевого дня М. несколько раз

выражает отказ в ответ на просьбу А. посмотреть телевизор или воспользоваться гаджетом, чтобы посмотреть мультфильм. М. делает это с разной степенью категоричности, но в дружелюбной форме. А. не настаивает, соглашаясь с предлагаемой ему альтернативой:

М.: **Нет, нет, нет. Выключай,** Андрюша; М.: **Я тебе лучше почитаю.** Это / «Сто тысяч почему». А.: **Ладно. Дай пульт;** М.: **Куда? Чтоб ты мультики смотрел?** Дудоньки. **Надо сегодня что-то сделать полезенькое. А то ты много смотрел сегодня уже всего на свете;** М.: **А что такое судоку?** Расскажи мне. **Бабушка говорила, вы учили. Выключи!** А. **Судока?** А.: **Мама, ...мне мультики, а?** Ты вообще обещала. Когда я покушаю.

А., так же как М., контролирует тематическое развертывание дискурса. Он вводит в разговоры свои темы, развивает их, вовлекает в их обсуждение М. Так, по инициативе А. основной темой первых двух разговоров общей продолжительностью 36 мин становится обсуждение персонажей фильма и игры «Angry Birds». А. побуждает М. высказываться по этой теме, отвечать на его вопросы, уточнять сведения о птичках. Другие темы, вводимые М. в этих разговорах, быстро «затухают», причем М. не настаивает на их развитии, предоставляя А. свободу самовыражения: М.: **Почему это ты не хочешь дарить подарок бабушке с дедушкой сам?** А.: **Не могу.** М.: **Почему?** А.: **Мама, знаешь, какая будет такая большая мохнатая птичка? Это Муви.** М.: **Он не Муви... Подожди. Его зовут Чуви.**

Стратегия получения желаемого, реализацию которой можно ожидать в речевом поведении 6-летнего ребенка, практически не встречается в дискурсе А. Лишь в одной из транзакций он многократно выражает желание получить конфету, причем в каждой следующей реплике это желание выражается в более прямой форме, чем в предыдущей. Разговор о конфетах происходит параллельно развертыванию другой темы (А. и М. в это время рисуют и обсуждают нарисованное), что несколько вуалирует настойчивость А.: А.: **Почему ты конфеты наши не несешь? Ты не можешь так: т-р-р-р?** М.: **Нет, не могу. А где язык-то у тебя, где зубы?** А.: **Т-р-ш-р.** М.: **Найди букву «ш».** А.: **Ты что свои конфеты не несешь? Мы же собирались пить чай...** М.: **Попьем. Сейчас как раз дедушка с бабушкой придут, будем пить чай...** А.: **Нет, ну можно конфетку? Ты зубы не раскрасила.** М.: **Почему? Они белые.** А.: **Я хочу конфетку. Ну можешь белыми оставить. И там закрасила, да, мам?** М.: **Ты питаешься, Андрюша, одними конфетами, понятно? А. [перебивает] Не-е-е-ет!** М.: **И это плохо.** А. **[кричит] Да не одними конфетами я питаюсь. [...]** А.: **Дай картошку. Я за один укус съем.** М.: **Дай я тебе сейчас разогрею. А. Дай миллион**

картошек. В данном случае, как и в ряде других, А. оказывается гибким коммуникантом, идет на компромисс, шутит, и общение не перерастает в конфликтный режим.

4. Способы общения (канал, тональность, жанры).

В диктофонных записях зафиксированы ситуации непосредственного общения А. и М., однако по содержанию их реплик восстанавливается информация о других каналах, по которым А. параллельно получает информацию. Так, в машине А. предположительно пользуется гаджетом; очевидно, что данный формат коммуникации привычен для него: А.: *Открыл[а]сь! Знаешь, что у принцессы Ле[а] за оружие?*; А.: *Мне там выскочило сообщение; А.: Когда ты в планшет, например, там появляются всякие свинки...* На улице А. сам читает вывески: А.: *На- логи. Опять налоги. Налоги. Опять налоги.* В квартире М. и А. смотрят телевизор, М. читает А. книгу.

Тональность дискурса определяется в отношении А. как позитивная эмоция, в которой взаимодействуют такие составляющие, как 'весело' и 'интересно'. Веселое настроение А. выражает смехом, разнообразными высокочастотными междометиями, в том числе окказиональными, рифмованными выражениями¹, шутками: *Мяу! Мяу-мяу-мя-мя-мя!*; *Гау-гау! Хи-хи! Ха-ха-ха! А-б-а-бр! О-о-о! Е-е-е-!* *Ы-ы-ы! Пиу-пиу! Рокировка-блокировка! Твой слоненок-поросенок! Сейчас срублю слона. Будет вкусненький обед!* А.: *А все-таки я твою армию срубил. А-ням-ням!* Интерес, будучи интеллектуальной эмоцией, выражается в уточняющих вопросах, оценках новой информации, самостоятельном развитии темы со стороны А. Эпизодически А. выражает другие эмоции: А. *Скучно живем!* М. *Почему? А. В гости не ходим;* А. *[Смотрит с М. по телевизору балет «Щелкунчик»]: Скучно смотреть. М. Танец скучно смотреть? А. Да. Женились, и все бы. Без танцев.*

Речевой жанр разговора – основной в материале. Некоторые транзакции представляют собой самостоятельные монологические и диалогические жанры: это песня (в том числе колыбельная), считалка, шутка, спор, рассказ. По телевизору А. смотрит сказку, из книги «Сто тысяч почему» узнает научно-популярную информацию. Кроме того, в дискурсе А. выделяются образования, которые целесообразно обозначить как субжанры, понимаемые по К. Ф. Седову [20]. Нетипичный для речи взрослых субжанр – замечание на улице, адресованное неизвестным лицам. Завидев беспорядок (наряженную елку в начале февраля), А. радостно

кричит: *О-о-о-о!* Далее следует диалог: М.: *Ты че? А.: А-а-а! Вы будете елку убирать? Новый год уже прошел! А почему она наряженная?*

5. Семантика дискурса и его единиц.

Темами транзакций и сложных обменов – в порядке их появления в дискурсе – являются: польза/бесполезность компьютерных игр; эпизоды и персонажи «Angry Birds» (тема «Сердитых птичек» повторяется, перемежаясь с другими, в первых двух разговорах); одевание А., значение плаща в прежние времена; предназначение ипподрома; насморк А. и его лечение; мультфильм, который А. смотрел раньше; сказка, которую бабушка читала А. раньше; тренировки А.; сила мысли в сюжете компьютерной игры; тонирование стекол в автомобиле; переезд на дачу; собственная грядка А. на даче; разрушение металла; переплавка старых автомобилей; День святого Валентина, игра в шахматы (в процессе игры эта тема накладывается на другие); буквы латинского алфавита; изготовление М. костюма доктора; вовлечение М. в подвижную игру; колыбельная песня, sudoku, программа по телевизору, песня, вчерашнее чтение, способы измерять время, многогранники; считалка; балет «Щелкунчик»; отгадывание музыкальных инструментов во время звучания оркестра; игра в шенка; игра в мячик; страшные животные; как лучше рисовать; экономия бумаги; микроорганизмы; вспоминание мультфильма; изображение эмоций на бумаге; игра в гостя и хозяина; конфеты; значения англоязычных слов; подвижная игра на основе английских глаголов; игра в стрелялки; игра в домик с тайной комнатой. Часть транзакций сопровождают неречевую деятельность А. и М. (игры, рисование). Таким образом, дискурс одного дня А. организован вокруг таких семантических центров, как современные мультфильмы, игры (компьютерные, настольные, подвижные), словесное творчество, машины и технологические процессы, история изобретений, музыка, рисование, животный мир, микромир, усвоение иностранного языка.

Лексикон А. включает слова, не являющиеся высокочастотными в литературном языке. Эти слова входят в тематическую группу, связанную с компьютерными играми и современными мультфильмами (*клон, способность* [о герое мультфильма], *световой меч, супергерой, супержелезный пистолет, обезоружат*), а также в другие тематические группы: *тактика* (игры в шахматы), *рокировка, блокировка, по диагонали, объемней, ромб, микробы, принтер, укрытие, логово, закливаю, б[л]ibliothekarь*. М. в большом количестве использует книжную лексику, в том числе технические терми-

¹ Наш материал подтверждает утверждения о любви детей к ритмическому упорядочению фразы, о которой пишет М. Д. Воейкова в [13], ссылаясь, в частности, на наблюдения К. И. Чуковского.

ны и термины биологии: *М.: траектория полета, ипподром, покрытие, тонирование, реагирует, защитный состав, антикоррозийная обработка днища, католическая церковь, псалтырь, индийский факир, восьмигранный, в сечении, гномон, вакцина, пыльца, антитела, тромбоциты, кровеносная система* и др.

В явном виде в разговорах А. и М. не декларируются какие-либо ценности. Последние можно реконструировать по косвенным данным, в частности по высказываниям с оппозитивным значением: *А. Заклинаю дождь. Я волшебник. Хочу себе замок. Хочу себе плеер. Хочу, чтобы мама меня всегда слушалась. А.: Мама, ...мне мультики, а? Ты вообще обещала. Оценки немногочисленны. В репликах А. встретились общие оценки «плохой», «крутой», «лучше», «изумительный», а также частные «полезный», «важный», «скучно». Оценки относятся к компьютерным играм, героям мультфильмов (А.: Ну что там полезного? А.: Хрюшка... Он же плохой, мам...; А.: Знаешь, что? Эта вот сила ума/разума она вообще крутая). А. положительно оценивает дом (М.: Скоро дача начнется... А.: Эх, а дома лучше...); некоторые собственные занятия (А.: Мне всегда нравится микробов рисовать) и занятия взрослых (А.: [о переплавке машин] Ма-а-мочка! Ну занимаются всяким важным делом. Да?). Ситуативная эмоциональная оценка дается шахматной фигуре (А.: Какая изумительная фигурка. [Пропевает] Я самый главный конь / самый главный). Спектакль, который А. и М. смотрят по инициативе М., А. оценивает как «скучный». В репликах М. аксиологическая составляющая смыслов также не акцентируется, хотя палитра прямых и косвенных оценок несколько шире.*

Как известно, ценностную картину мира отражает и формирует интертекст, и в частности корпус прецедентных текстов, высказываний, имен. В течение одного речевого дня А. и М. ввели в дискурс достаточно большое количество прецедентов. А. называет следующие: «Angry Birds», «Звездные войны», Супергерой, супергерой Халк, считалку «А-ты, ба-ты, шли солдаты (знает весь текст наизусть)», «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», по просьбе М. поет от начала до конца колыбельную «Котя, котя, коток...» (выучил с бабушкой), несколько раз напевает песню «Губки бантиком, бровки домиком / похож на маленького сонного гномика...»; узнает сказку «Щелкунчик» (балет транслируется по телевизору). М. упоминает в разговоре карету и тыкву (сказка «Золушка»), Незнайку с его друзьями, Мумий Тролля, Гарри Поттера, псалтырь. Сравнивая интертексты в речевых партиях А. и М., можем сделать вывод, что М. раскрывает для А. мир литературных героев. А. в большей степени увлечен современными мультфильмами и компьютерными играми.

6. Прагматика дискурса.

В высказываниях А. ярко выражена адресованность. Наиболее частотны характерные для детей формулы привлечения и удержания внимания адресата, которые, с их точки зрения, обеспечивают надежность коммуникативной связи: *Смотри, мам; Отгадай...; Знаешь что (знаешь что, мам)? Хочешь знать...?* (Отметим, что М. и без того не игнорирует реплик А., отвечает на его вопросы и т. д.). См. примеры: *А. Вот с этим фиолетовым мечом. Он знаешь что? Током бьет; А. Принцесса Лея, знаешь что? Это не ун та круглая птичка; Мам, отгадай, кто будет [нрзб]... Он будет королем свинок!* Характерны для речи А. запросы о подтверждении его мнения или о согласии (*Да ведь? Ладно?*). Стремление быть услышанным выражается также повторением слов и выражений: *А. Он будет королем свинок! Он король свинок будет! Он королем свинок будет! А. Мам, ходи. Мама, ходи! Ма-а-ама!; А. Это центр. Центр. Центр. Центр. Центр. Центр; А.: Стой, стой, стой.*

А. владеет метаязыковыми средствами, использует их почти нормативно: *М.: Там карандаши есть. – А.: Где? Ты хотела сказать на лекции?; [В ситуации, когда оказался непонятым, кричит]: Не краны я говорю. А машинки такие. Чтобы из машин старых делать кубики. Связность диалога подтверждается с его стороны сигналами понимания и непонимания: Понятно. Я не понял.*

Субъективная значимость темы реализуется в дискурсивной формуле *не забудь, что...* Если в речи взрослых данная формула, как правило, связана с практической деятельностью адресата, то ребенок предваряет ею сообщение о сюжете «Angry Birds», не обязывающее М. к каким-либо действиям, в том числе игровым: *А.: Мам, ты не забудь, что птички могут повторяться.*

Особенностью прагматики высказываний А., не связанной с выражением диалоговых функций, является отказ без смягчения и мотивировки: *М.: нарисуй дедушку с бабушкой. У них праздник завтра. Ты им подарить портрет их. А.: Не-е-ет! Смотри, какой парад начинается! [о шахматных фигурах].*

7. Ненормативные языковые/речевые факты.

Данный параметр описания введен для иллюстрации уровня сформированности языковой компетенции и демонстрации творческого потенциала А. как языковой личности. А. делает единичные грамматические ошибки при большом разнообразии лексики и синтаксических конструкций: *А. Знаешь что? В этих звездных войнах, про которых я тебе рассказывал... А. Их надо... пальцем на них тыкнешь, и бац! А. Я твою [тактику] не использую. А. Короля защитить. А. Судока? Я не знаю, что такое судока. А. четыре-гранник. М. четырех. А. четырех. А. Смотри, какая бактерия! Придется*

сидеть на снеге. Такой бибблиотекарь. Пока что маленький. Ему неизвестны некоторые расхожие фразы разговорного языка: М. Да. Есть такое дело. А. Какое? М. Есть такие краны.

Ряд ненормативных явлений – отражение детской языковой системы [21] на лексическом уровне: А. Помнишь того, с прической волосатой? А. Наверное, эта книга выпущена в сегодняшнем году.

Таким образом, инструментарий дискурс-анализа позволил выявить и описать признаки разговора между взрослым и ребенком. Различие в статусах коммуникантов выражается в стратегиях, целях, наборе речевых действий. Доминируют игровые и обучающие/познавательные стратегии. А. обращается к М. как авторитетному и компетентному собеседнику, регулярно воспроизводит средства привлечения и удержания внимания, в том числе «детские» дискурсивные формулы, использует повторы единиц разного уровня, рифму, ритмизованные конструкции. М., облегчая взаимопонимание, четко маркирует границы трансакций, задает тест-вопросы. Оба коммуниканта минимально используют косвенность.

Дискурс демонстрирует «высокий социокультурный статус семьи» (термин Г. Р. Добровой [14]). Интересы и познавательные потребности ребенка поддерживаются и развиваются взрослым коммуникантом. Общение ведется в дружелюбной тональности, допускается ситуативная смена ролей и статусов. Язык насыщен книжными словами разных тематических групп, пополняется английской лексикой. Жанровый репертуар включает традиционные детские жанры (колыбельная, считалка), литературные сказки, научно-популярную литературу для детей, произведения современной массовой культуры.

Анализ дискурса высвечивает разные культурные установки старшего и младшего информанта. Особая притягательность для А. новых форматов индустрии развлечений сталкивается с ограничениями на просмотр этой продукции со стороны М. В дискурсе отсутствуют оценки людей. Из-за ограниченности материала этот факт невозможно уверенно интерпретировать с социокультурных позиций и с точки зрения лингвоперсоналогии, однако важно зафиксировать как идущий вразрез с некоторыми национальными культурными традициями.

Список литературы

1. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. London, 1977.
2. Van Dijk Teun A. Handbook of Discourse Analysis // Discourse and Dialogue. London: Academic press, 1985.
3. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайяра. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
4. Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог 2007». Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007. С. 250–255.
5. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. Вып. 1. С. 54–61.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
7. Крафт Б. Реализация инструктивного диалога шестилетними школьниками // Психолингвистика: сб. ст. / сост. А. М. Шахнарович; общ. ред. А. М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 260–281.
8. Казаковская В. В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок» (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 39 с.
9. Кошечева О. В. Становление речевых компетенций в онтогенезе (на материале речевых жанров «рассказ», «бытовой разговор», «ссора») // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Саратов, 2011. Вып. 14, ч. III. С. 102–110.
10. Зубкова Т. И. О двух тенденциях речевого онтогенеза и разных стратегиях построения вербального текста // Детская речь как предмет лингвистического исследования: материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 31 мая – 2 июня 2004 / отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб.: Наука, 2004. С. 100–104.
11. Цейтлин С. Н. К вопросу об онтогенезе монологического текста // Коммуникация. Мышление. Личность: материалы Междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. 12–14 ноября 2012 г. Саратов, 2012. С. 630–634.
12. Бирич И. А. Становление творческой сущности ребенка на различных этапах онтогенеза // «Три ключа» (педагогический вестник). М.: Издат. дом Шалвы Амонашвили, 2008. С. 31–35.
13. Воейкова М. Языковое и познавательное моделирование речи детей (на материале книги В. Н. Матонина «Голоса из пятой квартиры») // Санкт-Петербургская школа лингвистики: К юбилею доктора филологических наук профессора С. Н. Цейтлина: сб. науч. ст. / редкол.: Т. А. Круглякова (отв. ред.), Т. В. Кузьмина. СПб., 2013. С. 19–32.
14. Доброва Г. Р. Возрастная социолингвистика: к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики – 2007: материалы Междунар. конф. СПб., 2007. С. 57–64.
15. Базжина Т. В. Специфика русской воспитательной коммуникации // Проблемы онтолингвистики – 2009: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 6–12. URL: <http://old.lrc-press.ru/downloads/t-02.pdf> (дата обращения: 19.03.2017).
16. Данюшина Л. А. Детский дискурс как феномен формирующейся языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2014. 207 с.
17. Бутакова Л. О. Когнитивная природа восприятия полимодального текста и его психолингвистическое моделирование (на материале реценции русских и американских мультсериалов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 21–32.

18. Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 181 с.
19. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
20. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
21. Орлова Н. В. Речь школьника: изживание «детской языковой системы» // Вестник НГУ. 2012. Т. 11, вып. 2. С. 14–18.

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 644077). E-mail: nvorl@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 24.01.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-9-16

«ONE CONVERSATIONAL DAY»: DISCOURSE ANALYSIS OF SPOKEN DIALOGUES WITH PARTICIPATION OF THE CHILD

N. V. Orlova

Omsk State University n. a. F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

On the basis of conversations between the six-year-old boy and his mother the organization and ways of adult-child communication, semantics, pragmatics, and discourse language are revealed. Taken for study parameters, described in general, fit into the existing models of discursive analysis, which as an object considers oral dialogue. In particular, strategies, objectives, control over the course and change of types of speech activity, channels, tone, genres are described. Metacommunicative indicators and their role in organizational communication are determined. On the basis of speech characteristics, the question of whether the constitutive characteristics of discourse are in conversations is positively solved: fixed relative design, thematic and structural unity, relative semantic completeness. It is established that gaming and learning/cognitive strategies prevail; genre repertoire combines traditional children's genres, popular science literature for children and new formats of the entertainment industry (cartoon, computer game); in the thematic field, modern cartoons, games (computer, desktop, mobile), history of inventions, microcosm, etc. prevail. Values and assessments are not emphasized. The analysis of the discourse testified to various cultural attitudes of the elderly and younger informants. Special appeal for boy new formats of the entertainment industry is faced with restrictions from his mother on viewing of this production.

Key words: *discourse, child, strategies, genres, topics of discourse.*

References

1. Coulthard M. *An Introduction to Discourse Analysis*. London, 1977.
2. Van Dijk Teun A. *Handbook of Discourse Analysis. Discourse and Dialogue*. London, Academic press Publ., 1985.
3. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-sematicheskogo opisaniya*. Pod red. K. Kiselevoy, D. Payyara [Discourse words in Russian language: the experience of context-semantic description. Edited by K. Kiseleva, D. Payyara]. Moscow, Metatekst Publ., 1998. 447 p. (in Russian).
4. Kobozeva I. M. Polisemiya diskursivnykh slov i popytka eye razresheniya v kontekste predlozheniya (na primere slova vot) [Polysemy of discursive words and attempt of its solution in the context of a sentence (for example, the word «here»)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialogue 2007». Bekasovo, 30 maya – 3 iyunya 2007 g.* [Computer linguistics and intellectual technologies: proceedings of the International Conference «Dialogue 2007». Bekasovo, May 30 – June 3, 2007]. 2007. Pp. 250–255. (in Russian).
5. Chernyavskaya V. E. Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmy [Discourse paradigm: phantom objects and syndromes]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki - Issues of Cognitive Linguistics*, 2014, no. 1, pp. 54–61 (in Russian).
6. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
7. Kraft B. Realizatsiya instruktivnogo dialoga shestiletnimi shkol'nikami [Realization of instructive dialogue by six-year-old schoolchildren]. *Psikholingvistika: sb. st. Sost. A. M. Shakhnarovich. Obshchaya red. A. M. Shakhnarovicha* [Psycholinguistics: collection of articles. Compiler A. M. Shakhnarovich; general edition by A. M. Shakhnarovich]. Moscow, Progress Publ., 1984. Pp. 260–281 (in Russian).
8. Kazakovskaya V.V. *Voprosno-otvetnye edinstva v dialoge «vzroslyy – rebenok» (na materiale russkogo yazyka)*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Question-answer unity in «adult – child» dialogue (on the material of the Russian language). Abstract of thesis of doct. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2006. 39 p. (in Russian).
9. Koshcheeva O. V. Stanovleniye rechezhanrovoy kompetentsii v ontogeneze (na materiale rechevykh zhanrov “rasskaz”, “bytovoy razgovor”, “ssora”) [The formation of speech and genre competence in ontogenesis (on the material of speech genres «story», «household conversation», «argument»)]. *Filologicheskiye etyudy: sb. nauch. st. molodykh uchenykh: v 3 ch.* [Philological studies: proceedings of young scientists: in 3 parts]. Saratov, 2011, issue 14, part III. Pp. 102–110 (in Russian).

10. Zubkova T. I. O dvukh tendentsiyakh rechevogo ontogeneza i raznykh strategiyakh postroyeniya verbal'nogo teksta [Two trends in speech ontogenesis, and different strategies of constructing a verbal text]. *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii*. Sankt Petersburg, 31 maya – 2 iyunya 2004. Otv. red. S. N. Tseytlin [Children's speech as a subject of linguistic research: materials of the International Conference. Saint Petersburg, 31 May – 2 June 2004. Executive editor S. N. Tseytlin]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004. Pp. 100–104 (in Russian).
11. Tseytlin S. N. K voprosu ob ontogeneze monologicheskogo teksta [To the question of the ontogeny of monologue text]. *Kommunikatsiya. Myshleniye. Lichnost': materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professorov I. N. Gorelova i K. F. Sedova. 12–14 noyabrya 2012* [Communication. Thinking. Personality: materials of the International Scientific Conference, dedicated to the memory of the professors I. N. Gorelov and K. F. Sedov. November 12–14, 2012]. Saratov, 2012. Pp. 630–634 (in Russian).
12. Birch I. A. Stanovleniye tvorcheskoy sushchnosti rebenka na razlichnykh etapakh ontogeneza [The formation of the creative nature of the child at different stages of ontogenesis]. *«Tri klyucha» (pedagogicheskij vestnik)*. Moscow, Izd. dom Shalvy Amonashvili Publ., 2008. Pp. 31–35 (in Russian).
13. Voeykova M. Yazykovoye i poznavatel'noye modelirovaniye rechi detey (na materiale knigi V. N. Matonina) "Golosa iz pyatoy kvartiry" [Linguistic and cognitive modeling of children's speech (on the material of the book V. N. Matonin "Voices from Apartment Five")]. *Sankt-Peterburgskaya shkola lingvistiki: K yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora S. N. Tseytlin: sb. nauchnykh st.* Redkol.: T. A. Kruglyakova (otv. red.), T. V. Kuz'mina [St. Petersburg school of linguistics: For the anniversary of doctor of philology professor S. N. Zeitlin: proceedings. Editorial board: T. A. Kruglyakova (executive editor), T. V. Kuz'mina]. Saint Petersburg, 2013. Pp. 19–32 (in Russian).
14. Dobrova G. R. Vozrastnaya sotsiolingvistika: k postanovke voprosa [Age sociolinguistics: to the question]. *Problemy ontolingvistiki – 2007: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Problems of Ontolinguistics - 2007: materials of International Conference]. Saint Petersburg, 2007. Pp. 57–64 (in Russian).
15. Bazzhina T. V. Spetsifika russkoy vospitatel'noy kommunikatsii [The specifics of the Russian educational communication]. *Problemy ontolingvistiki – 2007: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Problems of Ontolinguistics - 2009: materials of International Conference]. Saint Petersburg, 2009. Pp. 6–12 (in Russian). URL: <http://old.lrc-press.ru/downloads/t-02.pdf> (accessed 19 March 2017).
16. Danyushina L. A. *Detskiy diskurs kak fenomen formiruyushchey yazykovoy lichnosti*. Dis. kand. filol. nauk [Children's discourse as a phenomenon of emerging linguistic identity. Diss. cand. philol. sci.]. Rostov-on-Don, 2014. 207 p. (in Russian).
17. Butakova L. O. Kognitivnaya priroda vospriyatiya polimodal'nogo teksta i ego psikholingvisticheskoye modelirovaniye (na materiale retseptsiy russkikh i amerikanskikh mul'tserialov) [The cognitive nature of perception of multimodal text and its psycho-linguistic modeling (based on the reception of Russian and American cartoons)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 4 (49), pp. 21–32 (in Russian).
18. Gavrilova T. O. *Registr obshcheniya s det'mi: strukturnyy i sotsiolingvisticheskiy aspekty (na materiale russkogo yazyka)*. Dis. kand. filol. nauk [Register of communication with children: structural and sociolinguistic aspects (on the basis of the Russian language). Diss. of cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2002. 181 p. (in Russian).
19. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
20. Sedov K. F. Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoy kommunikatsii [Man in the genre of everyday communication]. *Antologiya rechevykh zhanrov. Povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres. Daily communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007. Pp. 7–38 (in Russian).
21. Orlova N. V. Rech' shkol'nika: izzhivaniye «detskoy yazykovoy sistemy» [The speech of a student: the eradication of «a child's language system»]. *Vestnik NGU – Vestnik Novosibirsk State university*, 2012, vol. 11, no. 2, pp. 14–18 (in Russian).

Orlova N. V., Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644052). E-mail: nvorl@rambler.ru